

ОЛЬГА КЛИМЕНКОВА

Кресло

Ольга Клименкова

Кресло

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18664125

ISBN 9785447481551

Аннотация

Любовь, ревность, музыка и поэзия – всё это живёт в трёхминутных историях – песнях поэта-песенника Ольги Клименковой. История же под названием «Кресло» вышла за рамки трёх куплетов песенного формата. Но всё равно «Кресло» – это песня в прозе о любви и мистике, разочарованиях и надежде...

Содержание

Кресло	5
1	5
2	14
3	21
4	29
5	39
6	45
7	50
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Кресло

Ольга Клименкова

© Ольга Клименкова, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Кресло

1

Что может быть ужасней этого слова – крресло? Да и не только слово, а само сооружение с высокой прямой спинкой, с подлокотниками, на которых оскалились львиные морды из тёмного, лоснящегося дерева, с выпукло-тугим сиденьем, обтянутым чёрной кожей, само это сооружение было для Лорочки кошмаром её детства, а потом – и всей её жизни. Стояло кресло в углу большой кухни слева от окна, выходящего в сумрачный ленинградский двор-колодец. Это было его постоянное место, оно здесь стояло всегда, ещё до рождения Лорочки, до рождения её мамы, а, может быть, даже бабушки. Вообще-то, обычно в нём никто не сидел. Когда обитатели квартиры обедали не в гостиной, а в кухне, все садились вокруг стола на стулья, которые мама называла венскими. А в кресло никто не садился, оно одиноко стояло в тёмном углу, ждало своего часа и было просто крреслом. Время от времени, конечно же, его час наступал...

Кажется, впервые это случилось, когда Лорочка, рассердившись на брата Женьку за то, что тот нарисовал химическим карандашом её портрет с огромными ушами и длинным носом набок, с которого при этом свешивалась капля,

воткнула этот карандаш ему в плечо. Ведь мерзкий Женька уже умел писать печатными буквами, поэтому он ещё и написал внизу, под портретом – «Вора», потому что в свои пять лет на вопрос – как тебя зовут, девочка? – Лорочка отвечала именно так – «Вора». Буква «л» ей не давалась. Заточенный грифель едва проколол кожу, но показалась капля крови, Женька заорал, сбежались все домашние, а когда мама принесла пузырёк с йодом, Женька дунул наутёк в дальнюю комнату, не переставая визжать. Все бросились за ним, ведь надо было извлечь из ранки кусочек отломавшегося грифеля, и ещё йод, йод! Клубок из домочадцев перемещался из комнаты в комнату, пока извивающегося и воющего сиреной Женьку не скрутили и не совершили всё, что положено. Настала пора вспомнить о той, которая сделала жирную точку-татуировку, оставшуюся, кстати, на Женькином плече на всю жизнь.

Пока Лорочка одна стояла в кухне и обречённо ждала своей участи, до неё сквозь вопли долетали слова:

– Пинцетом?

– Нет, нет иголкой лучше!

– Да подержите же ему руку кто-нибудь!

– А иголку-то обожгли на огне?

– Да возьми вот пинцет, он острый, я его в спирт макнул!

– Где он?!

– Да вот же, на блюде!

– Промокни кровь, мне не зацепить!

У Лорочки цепенела душа. Что будет? Что будет с Женькой, а, главное, что будет с ней? И когда, когда, наконец, перестанет лязгать о блюдце пинцет? Почему-то это лязганье было особенно жутким...

Раз пинцет всё ещё гремит о блюдце, грифель никак не достать. Но всё же, понемногу Женькин вой превратился во всхлипывания, и Лорочка сжалась в ожидании возмездия. Где-то в верхней части живота, как будто, раскрывался зонтик – это был страх, который Лорочка испытала впервые, и который потом всю жизнь проявлял себя именно так – раскрывающимся зонтиком где-то в области желудка.

Мама, очевидно утомившаяся от погони за пострадавшим и от врачевания, а может быть, увидев бледное, заострившееся Лорочкино лицо, сказала усталым, бесцветным голосом:

– Сядь, Лора, в кресло... Сядь и подумай. Подумай хорошенько. И будешь сидеть, пока не поймёшь.

Лорочка уже давно всё поняла, она поняла всё, пока лязгал пинцет, пока визжал Женька, пока звучали ужасные слова: иголка, йод, кровь, огонь. Но надо ещё что-то понять, надо сесть в кресло... Чёрное и необитаемое, оно было холодным, и Лорочкины ножки над чулочками, которые были пристёгнуты к лифчику резинками, прилипли к коже сидения, и Лорочке показалось, что оно не только обжигающе холодное, но и мокрое. Уходя из кухни, мама погасила свет, оставив, впрочем, бра над телефоном в прихожей. Лорочка осталась одна. Само по себе, это было неприятно – полу-

мрак, одиночество, холодное чёрное кресло. Но всё же, наказание, против ожидания, оказалось довольно мягким. Правда, по мере того, как проходило время, а из дальней комнаты доносились повеселевшие голоса домочадцев, развлекавших раненого Женьку, Лорочке становилось всё обидней. Ведь никто, наверное, не видел мерзотного портрета с огромными ушами и с каплей под длиннющим носом с набалдашником на конце. А чего стоит это – «Вора»! Знали бы они все, как она каждый день сотни раз ломает язык, пытаюсь упереть его в зубы, чтоб научиться, научиться, наконец, легко и непринуждённо говорить – «Л-л-лорочка», вместо «Ворочка». Слезы обиды мутными линзами стояли в немигающих глазах Лорочки, когда в кухню вошла бабушка и включила свет.

– Иди и попроси у Женика прощенье, – сказала она.

Лорочка сползла с кресла, вернее, отлипла от чёрной кожи, которая давно из холодной превратилась в горячую. Отлипла, но осталась стоять рядом с креслом.

– Ну, что же ты стоишь? Иди – надо отвечать за свои дела. Иди и расскажи, почему ты такая ужасная злока.

– В это время в дверном проёме нарисовались мама и Женька. Он держал в руках серебряную кружечку с вензелем и кофейной ложечкой ел из неё гоголь-моголь, который в утешение сбила для него мама. Вообще-то кружечка с ручкой в виде лепестка, золочёная внутри, постоянно стояла на почётном месте в горке за стеклом и вынималась от-

туда крайне редко. Обычно её извлекали для Лорочки, например, когда она болела, и надо было напоить её настоем травы с мёдом и глоточком кагора. Но в этот раз её доставили для Женьки. Это обстоятельство доконало Лорочку. Её никто не любит, она больше никому не нужна. Ну и пусть уходят, веселятся, едят гоголь-моголь, пусть, пусть рисуют страшилищ и пишут под ними – Вора! А она навсегда останется в тёмном углу, в чёрном кресле наедине со своей никому не понятной обидой. Солёные, дрожащие на глазах линзы хлынули горячими ручьями и лились ещё долго, пока всё как-то само собой ни устроилось под общий гомон домашних. Детей уложили спать, все разошлись, а кресло чёрной громадой осталось стоять в своём углу.

Очередной ужас, связанный с креслом, произошёл после встречи нового года. От праздничного стола остались – ветчина, пирог, мандарины и овальное блюдо с холодцом. Холодильника в квартире тогда ещё не было.

Первый холодильник, на пузатой дверце которого было написано – ЗИС-Москва, купили только через год, к новому 1958-му году, а пока пользовались сооружением, которое стояло в прихожей и называлось ледник. Это был шкафчик резного дерева в стиле модерн начала века, стенки у него были двойные, изнутри металлические, и в обязанности папы входило закладывать время от времени в пустоты между стенками сухой лёд, который он брал в гастрономе на углу. Но в этот раз продукты сложили на подоконнике в кух-

не, прикрыв их перевернутыми тарелками и мисками. Наверное, в леднике не было льда, или просто не хватило места.

Поздно вечером, уже лёжа в постели, почти сквозь сон, Лорочка слышала, как бабушка несколько раз напоминала маме:

– Поставь мышеловку, вчера за креслом опять скреблись, а на подоконнике – продукты. Они же по креслу залезут...

Наутро Женька проснулся раньше всех и разбудил Лорочку:

– Пойдём на кухню за мандаринами, а? Вставай, а то я пойду один и тебе не принесу.

Ещё не вполне проснувшись, и поэтому, не очень-то желая мандаринов, сама не зная почему, Лорочка пошлёпала за братом в кухню. Женька сразу же направился к подоконнику и стал шарить между мисками, тарелками и свёртками, а Лорочка в ночной рубашке, зевая и мечтая забраться обратно в постель под одеяло, переминалась рядом. Вдруг, на выпуклом чёрном сидении кресла она увидела ЭТО... И точно так же стремительно, как из бутылки с шампанским вчера, во время семейного застолья, вылетела пробка вместе с фонтаном пены, откуда-то изнутри Лорочкиного существа взметнулся, сметая на своём пути остатки сна и безмятежности, фонтан неведомых доселе чувств. Они были пронзительными и ошеломляющими, эти чувства. Лорочка пока не знала им названия, но они острой болью, горем, жалостью, состраданием и ещё раз болью изверглись из неё безудерж-

ными рыданиями и острой уверенностью, что мир жесток, ужасен и несправедлив, и что, скорей всего, никогда уже ничего хорошего не будет... А ЭТО продолжало стоять на сидении чёрного кресла, и хотя её уже уносила на руках из кухни мама, глядя по спинке и нашёптывая на ушко ласковые слова утешения, Лорочка продолжала видеть деревянную новенькую мышеловку, которая блестящей железкой крепко прижала, перебив пополам, маленького тёмно-серого мышонка, очень похожего на того, из книжки с цветными картинками, про которого мама читала:

– Приходи к нам, тётя Лошадь,
Нашу детку покачать.

А этот, перебитый железкой, застыл, как-то странно приподняв усатую мордочку и глядя прямо в глаза Лорочки очень блестящими, удивлёнными бусинками. «Нашу детку покачать»... Покачать, а не перебить пополам железкой... Зачем? За что с ним так?!...

Память о кресле с мышеловкой на сидении осталась на сердце у Лорочки такой же прочной «татуировкой», как и та, на плече у Жени от химического карандаша.

Вообще-то, Лорочка была убеждена, что все беды от кресла. Она слышала, что других детей, в целях воспитания, ставят в угол. В какой-нибудь самый тёмный угол в доме. Но, поскольку самый мрачный угол у окна, выходящего во двор-колодец, был в их квартире занят креслом, то все наказания

осуществлялись здесь, на чёрном, холодном сидении.

– Сядь и подумай, – так говорила мама.

– Садись в кресло и не вздумай подниматься, пока не поймаешь, – это бабушка.

– Ты чё, в кресло захотела? Щас скажу-у-у, – так страшал Женька.

Однажды из далёкого южного города Кабулети приехал погостить папин товарищ и однополчанин, с которым они прошли вместе войну. Он привёз всякой всячины – рыжую плоскую хурму, вяленый инжир, несколько бутылок самодельного вина саперави, грузинский хлеб, похожий на большие оладьи и целую наволочку грецких орехов. Взрослые устроили пир, а детям показали, как можно при помощи двери колоть орехи, положив их на порожек и прижимая створкой к дверной раме. Орехи были крупные, с золотистой тонкой скорлупой и при раскалывании издавали звук – *крге*, а дверь, которую всякий раз надо было приоткрыть, чтоб извлечь расколотый орех, издавала своими петлями и скопившимися на полу мелкими осколками скорлупы свистящий звук – *сло*. Конечно, это слышалось только Лорочке, больше никому в голову не приходило обратить внимание на эти звуки. Но Лорочка явно слышала это *КРРЕ – ССЛО*, и, может быть, поэтому зловещая сущность этого слова проявилась, не заставив себя ждать. В очередной раз, пристроив орех на порожек между дверной рамой и створкой, Лороч-

ка не успела убрать пальцы, а Женька уже прикрыл створку. Обжигающая боль молнией пронзила Лорочку, прошила её от правой руки через сердце до пяток, затем метнулась обратно вверх, яркими искрами брызнула из глаз и истошным воплем полетела по комнатам старой ленинградской квартиры и дальше через открытые форточки – во двор-колодец и на Лермонтовский проспект, перекрывая шум машин и гомон толпы.

Ну, куда, куда деваться бедной девочке от этого наваждения? Ведь у всего остального человечества слово – *кресло* — вызывает мысли о чём-то мягком, уютном, домашнем, располагающим к отдыху, дреме, мечтательности, лени, приносящим комфорт и удовольствие. И лишь на несчастную Лорочку вслед за чёрным креслом из кухни ополчилась целая свора злых и беспощадных кресел, которые преследовали её всю жизнь. Иногда в этих преследованиях наступали передышки – то на несколько дней, то на несколько лет, но то так, то эдак, даже в перерывах, кресломонстры не переставали напоминать о себе.

2

После истории с орехами Лорочка две недели ходила с перевязанной кистью правой ручки, хотя рентген показал, что ни перелома, ни даже трещины не случилось. Грецкий орех из Кабулети несколько сдержал натиск дверной створки, и она лишь придавила пальчики, вследствие чего образовался синяк, который и приходилось рассасывать при помощи повязок с мазями. Ничего особо страшного, слава Богу, с ручкой не произошло, и осенью этого же года, когда Лорочке было уже семь лет, мама осуществила давно вынашиваемый план – привела дочь в районную музыкальную школу, куда её и приняли, проверив слух и чувство ритма. Маме растолковали, что с такими данными, которые обнаружились у её дочери, учиться надо, конечно же, на струнном инструменте – скрипке или виолончели, но, учитывая миниатюрность девочки, порешили остановиться на скрипке. Мама была несказанно рада, потому что осуществлялась не только её давняя мечта, но и мечта бабушки, а самое главное – мечта бабушкиного деда, портрет которого в тёмно-вишнёвой с золотом раме висел в большой комнате. Бабушка использовала любой случай, чтобы рассказать о своём деде какую-нибудь историю. Все эти истории в семье знали наизусть, повторялись они многократно с добавлениями новых подробностей. В своё время дедушка Жорж – так называла его ба-

бушка – служил суфлёром в Мариинском театре. Бабушка уверяла, что он не только знал на память все оперные партии, но мог бы продирижировать любой оперный спектакль театрального репертуара. Когда бабушке предоставлялся случай ввернуть очередную историю на тему «дедушка Жорж», у неё моментально менялась интонация голоса, она начинала говорить нараспев, слегка «в нос» и в словах «роман», «концерт», «бордо» она произносила подчёркнутое – о:

– Великий Собинов требовал, чтобы на его спектаклях и концертах в суфлёрской будке был непременно дедушка Жорж. Однажды чуть не сорвалась премьера оперы «Садко» из-за того, что дедушка Жорж уехал отдыхать в Ялту.

В доказательство своих слов бабушка доставала старинную перламутровую шкатулку, поворачивала ключик и извлекала оттуда пожелтевшую записку, адресованную дедушке Жоржу и подписанную Глазуновым. В тысячный раз жертва бабушкиных историй внимала:

«Господин Полянский, соблаговолите прервать свой отпуск и вернуться в Петербург. Премьеру будет петь г. Собинов. Ваши материальные издержки будут возмещены». Среди этих историй была одна, о которой при детях особенно не говорили, но ясно было, что связана она с каким-то романом дедушки Жоржа или с его романтическим увлечением. Предметом его воздыханий была артистка кордебалета. Тогда дедушка Жорж был молод, холост и работал тапёром в балетном классе. Если бы вероломная балеринка не увлек-

лась скрипачом из театрального оркестра и не сделала бы дедушке отставку, то, похоже, он бы, чего доброго, на ней и женился. Но ему пришлось остаться с разбитым сердцем. Он очень страдал и даже уволился из балетного класса, перешёл работать аккомпаниатором в оперную студию, где и выучил все оперные партии. Там же он познакомился со своей будущей женой. Она работала переписчицей нот, обладала великолепным почерком, мягким характером и сердцем, полным сочувствия к страданиям покинутого несчастного. Утешая и отвлекая его от чёрных дум, юная переписчица нот сумела «переписать» набело и судьбу дедушки Жоржа. А ведь, если бы они не поженились, не родилась бы у них дочь – бабушкина мама, а уж до Лорочки дело бы и вовсе не дошло. А балеринка вышла замуж за скрипача, про которого дедушка Жорж при любом удобном случае говорил – «бездарность!». Всё постепенно образовалось, успокоилось, во всяком случае, внешне. Он очень любил свою дочь – бабушкину маму и мечтал учить её музыке, но как-то не сложилось. Внучка Верочка, то есть Лорочкина бабушка, при попытке обучать её игре на фортепьяно проявила такое малоуспешие и малоусердие, что дедушка Жорж часто цитировал Пушкина:

– Не мог он ямба от хорея,
Как мы ни бились, отличить...

Ну просто никто не желал служить Мельпомене. А дедушке Жоржу, видно, так хотелось взять у жизни реванш. Кто-то из его отпрысков должен был стать музыкантом и продемонстрировать миру и всяким «бездарностям» высокое и неподражаемое мастерство. И вот эту миссию судьба, похоже, решила поручить исполнить Лорочке, праправнучке суфлёра из Мариинки.

Музыкальная школа размещалась в старинном особняке. В некоторых классах сохранились изразцовые печи, лепные потолки, высокие зеркала в золочёных рамах. И здесь Лорочка познакомилась со следующим в её жизни креслом. Оно стояло перед входом на сцену небольшого зала, где обычно проходили экзамены, концерты и зачёты. Поставили его для того, чтобы очередной экзаменующийся или выступающий вундеркинд мог присесть в ожидании своего выхода. Услышав, как объявляют его выступление, юное дарование вставало с кресла и исчезало в дверном проёме, ведущем на сцену, а его место занимал следующий. Это кресло внешне очень сильно отличалось от чёрного из кухни. Оно было обито алым кретоном, подлокотники и весь край овальной изогнутой спинки были усыпаны маленькими, вырезанными из дерева розочками цвета слоновой кости. На сидении лежала плоская подушечка, обшитая по краю шёлковым кручёным шнуром. Казалось бы, изящная вещь в стиле рококо должна была стимулировать вдохновение, музыкальность

и чувство прекрасного. Очень может быть, что так оно и происходило – с кем угодно, только не с Лорочкой. Липкий, опустошающий страх обливал холодом руки и душу маленькой скрипачки, ожидающей выхода на сцену. В верхней части живота раскрывался зонтик, а в голове сумбурно пульсировала то ли мысль, то ли мечта – перепрыгнуть через время и оказаться в некоем вечере, когда экзамен уже кончился, а следующий – ещё очень не скоро. Но нет, она вынуждена сидеть и, пытаясь скрывать кресельную муку ожидания, прислушиваться – не объявляют ли её выход. И – вот оно:

– Выступает ученица первого класса Лора Полянская. Класс преподавателя Юлии Викторовны Шведовой. Ридинг. Концерт. Первая часть. Концертмейстер – Лилия Георгиевна Кац.

Лорочка уже вначале этой тирады поднимается с кресла, зонтик раскрылся так широко, что почти достал до горла. В левой руке – немецкая скрипочка-четвертушка, в правой – смычок. Как бы исхитриться по дороге на сцену, не доходя до рояля, вытереть незаметно о шерстяной бочок юбочки покрывшуюся испариной левую руку? Эта мысль немного умиряет страх, отвлекает от него. И вообще, здесь, на сцене всегда становится немного легче. Раздаются первые звуки вступления, Лилия Георгиевна ободряюще улыбается, вспоминаются много раз слышанные на репетициях советы Юлии Викторовны, и кресельная мука размывается, растворяется в звуках...

В следующий раз всё повторяется сначала. Все годы обучения в музыкальной школе Лорочка злорадно наблюдала, как кресло постепенно теряло свои розочки цвета слоновой кости. Это их потихоньку обламывали юные дарования, ожидающие выхода на сцену. Скорей всего, это делали пианисты, ведь у них руки не были заняты инструментом. Может быть, кто-то из них испытывал такие же мучения и страх, как и Лорочка? Нет... вряд ли это возможно. Разве способен ещё хоть кто-то на такие, как у неё терзания?

А тем временем чёрное кресло из кухни готовило для всех домашних сюрприз. И надо отдать справедливость – весьма трогательный.

Во время уборок, особенно генеральных, из-под него выметали понемногу высыпавшийся из его неведомых внутренних конский волос. Папа начинал строить планы по реставрации монстра. Но дальше планов дело обычно не шло. И лишь когда во время очередного – сядь и подумай о своём поведении – Лорочка стала съезжать набок из-за того, что сидение провалилось с одной стороны, кресло завалили и стали выяснять, как можно восстановить выпуклую упругость. Внутри у чудовища, кроме клубков тёмно-серого конского волоса, находились пружины в форме песочных часов, которые снизу поддерживались переплетёнными широкими лентами из крепкой мешковины. Ленты по периметру сидения были прибиты мебельными гвоздями. С одной стороны несколько гвоздей выскользнули из пересохше-

го дерева, и две пружины выскочили из-под мешковины. Диагноз был поставлен, и папа взялся за работу. И тут выяснилось, что кто-то раньше весьма по-дилетантски пытался укрепить сидение, подложив под каждую пружину многократно сложенную в тугий квадратик плотную бумагу. Все квадратики были извлечены и расправлены. По большей части они оказались старыми театральными афишами Мариинки. Призрак Дедушки Жоржа тихо воспарил над изучающими потёртый шрифт потомками. Одна из этих афиш была замечательна тем, что объявленный на ней спектакль – опера Римского-Корсакова «Царь Салтан» – должен был состояться двадцать пятого октября 1917-го года. Внизу красовался аншлаг: «В связи с беспорядками спектакль отменяется». Бабушка прослезилась, афишу от греха припрятали, ведь «беспорядки» 17-го года ещё назывались Великой Октябрьской Социалистической Революцией.

Окончив музыкальную школу, Лорочка поступила в музыкальное училище. Из Лорочки, маленькой, пухленькой девочки, она незаметно превратилась в тоненькую, гибкую девицу – Лору, а её сокурсница и задушевная подруга, пианистка Юля, называла её – Ло. Она давно уже играла не на немецкой фабричной скрипочке, а на прекрасной скрипке работы французского мастера Вильёма, которую купили для неё по настоянию бабушки. А чтобы покупка дорогого инструмента стала возможной, бабушке пришлось продать одну из семейных реликвий – платиновое кольцо дедушки Жоржа, которое долгие годы лежало в перламутровой шкатулке вместе с запиской от Глазунова. Кольцо имело форму «коробочки для яда». На овальной крышечке красовался сапфир. Бабушка рассказывала, что дедушка Жорж имел привычку, подышав на кольцо, потереть его о рукав и процитировать пушкинского Сальери:

– «Последний дар моей Изоры».

Вообще-то, во времена юности дедушки Жоржа, в таких кольцах-коробочках некоторые держали кокаин. Надо сказать, что бабушка расставалась с «даром Изоры» с лёгким сердцем. Ведь подающей надежды внучке нужен инструмент, чтобы кое-что доказать миру и «всяким бездарностям»... Коробочка для яда попала в «хорошие руки».

По рекомендации общих знакомых кольцо купила жена известного хирурга, возглавлявшего кафедру в Военно-медицинской академии. Потом выяснилось, что новая хозяйка кольца приходится родной тёткой Юле, Лориной сокурсницы и подруги. Конечно же, Юлина тётушка выслушала в нагрузку к своей покупке несколько бабушкиных историй. В тот раз бабушка вспоминала, как дедушка Жорж её, ещё маленькую девочку-гимназистку начальных классов, брал иногда во время спектакля в суфлёрскую будку. С замиранием сердца ждала она выстрела из бутафорского пистолета во время дуэли Онегина и Ленского, прижималась к бабушке, когда выскакивал на сцену весь в лохмотьях, обезумевший мельник из «Русалки» и повторял за суфлёром:

– Какой я мельник? Я здешний ворон!

В те далёкие годы она была убеждена, что самый главный участник спектакля, конечно же, дедушка Жорж, ведь только после того, как начнёт фразу он, её смеет повторить и продолжить певец. Перед бабушкой на пюпитре лежал клавир с чётко выписанными рукой его жены, которую бабушка называла в детстве бабушкой Гулей, текстами. Великолепным почерком, с завитушками и росчерками чёрной тушью, бабушка Гуля написала огромное количество партитур, оркестровых партий и клавиров для театра. Эти ноты пережили не только дедушку Жоржа и бабушку Гулю, но и несколько поколений театральных музыкантов.

Уже несколько лет Лору не усаживают в чёрное кожаное кресло «сесть и подумать», но очередное кресло-мучитель уже готово к встрече с ней. А предшествовал этой встрече приступ сильнейшей зубной боли. Случился он у Лоры в очень неподходящий момент, хотя бывает ли момент для этого подходящим?

После урока по ансамблю, на котором Лора и Юля боролись с сонатой Тартини «Покинутая Дидона», Юля вдруг заканючила:

– Слушай, Ло, сделай доброе дело, пойдём со мной в Сайгон, а? Туда Боб придёт с одним чуваком... Кстати, тебе бесполезно, Боб говорил, что у него можно пласты фирменные купить и косметику. Пойдём, мне одной не в жилу...

– Да ты что, у меня ещё две пары – смычковое искусство и английский, – попыталась, было, отказаться Лора, но голос её звучал нерешительно, и Юля поняла, что на неё можно рассчитывать.

Лора знала, что Юля света белого не видит от любви к Борьке Кругликову, которого все называют Бобом. Борька живёт в общежитии на улице Зенитчиков, учится на вокальном отделении, якшается с «фарцой» и слывёт сердцеедом. Приехал он в Ленинград, кажется, из Брянска и с жадностью провинциала окунулся в богемную жизнь и во все тяжкие. В «Сайгоне» он бывал день через день и Юльку он туда, конечно, не приглашал, но так, мимоходом попытался создать клиентуру своему приторговывающему приятелю.

Отыскав местечко за столиком-гвоздём, который назывался так из-за маленькой круглой столешницы на одной ножке, Юля и Лора устроились со своими «большими двойными без сахара». Юля принялась дымить сигаретой. Когда рядом с ними освободилось место, она плюхнула на столик клавиш «Травиаты» и всем претендентам говорила: «Занято». Боб по её расчётам должен вот-вот появиться, и Юлька голову скрутила, поглядывая на входную дверь. В этот момент, отхлебнув глоток горячего кофе, Лора охнула и закатила глаза. Зуб! Ну конечно, он давно подёргивал и предупреждал – надо что-то делать. И вот вцепилась в голову сверлом боль, боль, боль... Куда деваться, что предпринять? Прижать ладонью, стоять и раскачиваться, подвывая? Подышать в мохеровый шарфик и попробовать согреть щёку? Ничего не помогает, да ещё Юлька верещит:

– Возьми сигарету, поможет, поддержи дым во рту.

Лора не курит принципиально. Все курят – а она не курит. Не исключено, что, если бы все не курили, она бы курила. Но сейчас это не важно и вообще – ничего не важно. Только боль, одна боль сейчас с Лорой.

– Юль, я пойду... Что я тут буду?..

– Да ты что, с ума сошла? Тебе на улице будет хуже – холодно, – Юля протягивает сигарету, – возьми, тебе говорят. Не упрямясь, ты не затягивайся, держи дым во рту.

Лора берёт у щедрой подруги дефицитное «Мальборо», которое та курит исключительно «для понта» в особо важ-

ных случаях. Как ни странно, но острая боль немного отпустила. Может и правда от дыма? Пришли Борька с приятелем. Лора, как сквозь туман, воспринимала оживлённую беседу, в которой фигурировали и музыка, и косметика, и теософическое общество Блаватской, и театральные смех Юльки. Боль в зубе то притуплялась, то разрасталась и Лора мечтала только о том, чтобы оказаться дома и что-нибудь придумать.

А придумать можно было только одно – ни свет, ни заря бабушка пошла в зубную поликлинику, взяла в регистратуре номерок к врачу и вручила его внучке, хотя та и уверяла, что ей лучше и «может, как-нибудь пройдёт». Пока Лора дожидалась своей очереди, сидя в коридоре перед кабинетом и слушая завывания малоскоростных бормашин, она представляла предстоящую экзекуцию только теоретически. Нынешнее посещение дантиста было практически первым в её жизни. Когда их школьный класс водили на профосмотры, доктор неизменно говорил ей:

– Молодец, зубки в порядке. Береги их.

Да, вроде, берегла, как могла, как все «берегут». А лампочка над дверью всё равно мигнула – заходи. Кабинет – огромная комната, залитая светом, льющим из четырёх больших окон. И кресла, конечно, кресла, как же без них? Штук шесть или семь в ряд. И яркий, пыточный свет над каждым.

– Сюда проходим, – почему-то врачи часто объединяют

себя с пациентом множественным числом первого лица. Может быть, чтоб больному было не так одиноко со своим страхом? Лора на ватных ногах под вой бормашин и – о, ужас! – сдавленные стенания берегущих зубы проходит к свободному креслу.

– Садимся, садимся..., – докторша говорит, а сама лязгает, гремит железками,

что-то выбирая. Где-то на дальнем плане сознания, за страхом, за ноющим зубом, за ожиданием неведомого расплываются воспоминания из детства о лязгающем по блюдцу пинцету и Женькиной татуировке.

– Ну, садимся. Головку – вот сюда, и показываем, что там у нас...

– Что это? О, Боже, что это она держит в руках? Неужели вот этой острой, загнутой штукой она вопьётся в зуб, который и так еле-еле держится, чтоб не вспыхнуть ослепительной болью?

Пространство вокруг сгущается, обволакивает кресло с полулежащей на нём Лорой и склонившейся над ней докторшей. Плотный сгусток из страха, всхлипов, стука металла, вибрирующего ожидания, ожидания чего-то ещё худшего или ещё более болезненного, чем уже есть, куполом накрыл кресло, и время остановилось. Когда же, наконец, Лора услышала, —

– Рот не закрываем, посушим пломбочку, – оказалось, что это ещё не всё, пломба поставлена временная, в зубе –

мышьяк, а основное лечение ещё впереди. С этим креслом быстро расстаться тоже не получится. Через несколько дней опять очередь в коридоре перед кабинетом, опять мигнула лампочка – заходи, опять кресло... Глаза лучше прикрыть, чтоб не видеть железок, но с закрытыми глазами обостряется слух – железки грохочут, бормашина воеет, и вдруг – голос, —

– Сейчас потерпим немного, – и в то же мгновение что-то резко дёрнуло в многострадальном зубе острейшей неизведанной доселе болью. Слезы горячими ручьями хлынули из глаз Лоры, а голос продолжал, —

– Ещё немного, надо почистить канал, так больно уже не будет. Открой пошире... Всё, сейчас уже всё... Ловкие руки заправляют между щекой и десной тугие ватные тампоны, растирают на стекле пломбирочный материал, а слёзы из глаз несчастной катятся куда-то за уши, потому что голова запрокинута назад, ведь это кресло – особое.

– Ну, всё, не плачь, теперь только пломбочку поставим. Всё, всё, успокойся... Как тебя зовут?

– Вора, – не узнавая собственного голоса, сквозь тампоны за щекой ответила сидящая в Кресле. Она опять стала маленькой, испуганной, обиженной девочкой. Вон, даже, как когда-то, не может сказать – Лора. Всё лицо у неё в багровых пятнах и каплях слёз, нос съехал набок от анестезии. Не исключено, что сейчас она похожа на тот Женькин портрет из далёкого детства. И, всё же, надо как-то успокоиться,

ведь лечение окончено. Но, когда Лора, выйдя из кабинета, увидела поджидающую её бабушку, которая пришла, чтобы поддержать внучку в тяжкую минуту, слёзы опять безудержно полились, как не лились уже давненько.

Кресло дантиста, автомат Калашникова, гильотина, электрический стул, испанский сапог – в этом ряду изобретений человечества, который при желании можно продолжать ещё долго, на Лору мистический ужас наводили лишь креслоподобные сооружения. Видно, в её жизни реальная опасность исходила только от них. При этом она понимала и, что важнее, предчувствовала, что ей встретятся ещё такие кресломонстры, что прежние покажутся ласковыми друзьями. В непростых отношениях Лоры с креслами, впрочем, иногда наступали передышки.

В начале четвёртого курса всё училище, как обычно, послали «на картошку». Струнников и пианистов отправили в совхоз собирать яблоки, народники и вокалисты были «брошены» на морковку в этом же совхозе, а теоретики и духовики в соседнем посёлке работали на маленьком консервном заводе, где из яблок и морковки делали сок и разливали его в трёхлитровые банки. Осень стояла тёплая, тихая. Лето отступало медленно и нехотя. Деревья были ещё зелёными, как в разгар лета. Только берёзы подчинились сентябрю и безропотно желтели, несмотря на теплынь и отсутствие дождей.

Все радовались и хорошей погоде, и отсрочке занятий, и продлению летних каникул, ведь работа не была тяжёлой, а встреча с однокашниками – долгожданной и приятной. Струнники и пианисты были расквартированы по домам у колхозников, теоретики и вокалисты жили в помещении клуба, который был один на три близлежащих посёлка, а народники и духовики стояли лагерем в палатках у реки Ижоры. Каждый вечер здесь, у реки, на большой поляне жгли костёр, пекли картошку, пели под гитару.

Лора и Юля жили в доме у «бабы Лены» – так она отрекомендовалась им при знакомстве. Жила баба Лена одна, держала в сарайчике поросёнка по имени Дедок, который по-

чему-то очень плохо рос и был поджарым и длинноногим, несмотря на все усилия хозяйки откормить его.

– Во така гадость у мяне живе, – говорила баба Лена, любовно поглядывая на Дедка. Было похоже, что она втайне радуется, что поросёнок в таком виде не подлежит превращению в мясо и сало. Баба Лена говорит на смеси русского и белорусского языков, разбавленной местным говором. Она приехала в ленинградскую область лет десять назад из-под Могилёва ухаживать за заболевшей сестрой и её стареньким мужем, да так и осталась жить в их доме, проводив их одного за другим на сельское кладбище.

Когда вечером Лора и Юля приходили после костра, баба Лена доставала пушистую от старости колоду карт и предлагала «погадать на короля». Юля, закусив губу, не мигая и почти не дыша, слушала то про нечаянную радость, то про известие по поздней дороге, то про бубновую разлучницу. Потом, чуть не до рассвета, она не давала Лоре спать, расшифровывая по-своему эти гадания.

– Ну, ты же сама видела, он ни с того, ни с сего дал мне яблоко. Видела? У меня от них уже оскомина, но я всё равно стала есть. А он говорит, – дай откусить, а то я с целого лениюсь кусать. Завал! Я не представляю, что ему надо, а, Ло?

Ей, конечно, хотелось, чтобы подруга сказала, что-нибудь вроде того, что Борьке просто необходимо коснуться губами того места, где только что были её губы, что вкус яблочного сока навсегда будет для него вкусом её губ. Что-то похожее

Лора бормочет, борясь со сном, а Юлька уже мустирует тему – «бубновая разлучница».

– Ты сечёшь, как на него Светка пялится? Она же в прошлом году аккомпанировала вокалистам на экзамене. С Бобом они романсы Рахманинова сдавали. Он пел, как бог. Если честно, она его чуть не завалила...

– Да нормально она играла, она с вокалистами собаку съела, – Лора пытается охладить подругу и навести на мысль о том, что пора спать.

– Да ты что, ты просто не знаешь! Она неслабо лажанулась, все потом говорили... Он спел фразу, как бог – Юлька шёпотом пытается воспроизвести божественное пение:

И у меня был край родно-ой,

Прекра-а-сен он,

Там ель качалась надо мно-о-й, – он повесил фермату, сделал люфт, собрался взять дыхание, а она кэ-э-к ляпнет аккорд, как в лужу... Он чуть не упал и скомкано допел:

– Но то-о был сон... Да это ещё что, куда ни шло, проскочило, – Юлька собралась продолжить пытку бессонницей и рассказать следующий эпизод, как вдруг над Лориной подушкой, в стене, за обоями раздаётся оглушительное от неожиданности шуршание и сразу вслед за ним – мышинный писк. С визгом обе подруги вскакивают, прибегает баба Лена.

– Ну, чё вы, заполошные?

– Да мышь, мышь за обоями!

– Иде она, та мышь?

– Да вот здесь, прямо над подушкой!

– Ну, иде она ходя, та мышь? Мышь у них ходя...

Все трое стоят и смотрят на стену, хотя надо больше слушать, чем смотреть.

У бабы Лены в правой руке алюминиевая вилка. И тут только квартирантки понимают, почему вся стена до уровня человеческого роста испещрена мелкими дырочками-проколами. Это баба Лена охотится на мышей, которые живут в пустотах между обоями и бревенчатой стеной. Но в этот раз обошлось без кровопролития. Мышка затаилась, кровать отодвинули от стенки и улеглись. Не было бы счастья, да несчастье помогло – Юля прекратила свои воспоминания и умозаключения. Может быть, именно они, эти воспоминания и пение свистящим шёпотом, взбудоражили мышку за обоями...

Вообще-то все в училище, особенно те, кто жили в общезжитии, знали, что Борька Кругликов нырял в романтические истории и благополучно выныривал из них так часто, что сосчитать их было невозможно. Если из комнаты, где он проживал, доносится его пение —

– В кр-р-рови гор-р-рит огонь желанья,

Душа тобой уязвлена,

Лобзай меня, твои лобзанья

Мне слаще мирра и вина..., – все знают – Борька пригласил очередную барышню, как правило, продавщицу из со-

седнего магазина, и поёт ей свою коронку, против которой, по его мнению, устоять может только создание без сердца или без слуха. И частенько создание, покорённое Борькиным пением, в благодарность за концерт дарило будущей знаменитости свои ласки, они же «лобзанья», и какую-никакую любовь. При таком раскладе сосед по комнате «исполнял коридорного», то есть на неопределённое время выдворялся в коридор и далее, куда захочет. Святое дело – мужская солидарность.

Лора знала, что, конечно, и Юлю Боб уверял голосом влюблённого марала, что её лобзанья ему слаще мирра и вина, но до сколь-нибудь серьёзных лобзаний дело тогда не дошло, так как Юля, хоть и таяла сама от «огня желаний», но помнила, что за стенкой, в соседней комнате «общаги», Лора и виолончелист Севка Гимпельсон ждут её, чтобы прорепетировать трио. Они уже несколько раз проиграли свои партии без Юлиного участия и вот-вот начнут колотить в стену. Нежные уши скрипачки Лоры и виолончелиста Севы едва выдерживали испытание глухариным током, который упоённо демонстрировал Борька с известной целью. Ведь ладно б он только пел, это у него, кстати, неплохо получалось, а вот беда, он ещё и аккомпанировал себе на пианино. Борька громко колотил по клавишам, используя не более двух-трёх аккордов и не обременяя себя такими мелочами, как законы гармонии. Это было сущей мукой для любых ма-

ло-мальски слышащих ушей, а вот, поди ж ты, влюблённая Юля была глуха к вопиющим несовершенствам Борькиного аккомпанемента.

Как-то, после вечернего костра, Лора поняла, что к бабе Лене ей придётся идти одной, потому, что Юля куда-то исчезла. Не видно было и Боба. Не надо было обладать особым воображением, чтобы понять, что кроется за их отсутствием. Конечно, возможны варианты, но главное – ясно. Проходя мимо сельского клуба, Лора окончательно убедилась в своих предположениях. Из-за тёмных, раскрытых в лунную ночь окон раздавались звуки чудовищно расстроенного рояля и Борькино – «В крови горит огонь желанья...». Эх, Юлька, погрузившись сегодня в огонь, который «горит» в крови Боба, какой пожар ты разожжёшь в своём сердце, и на сколько бессонных ночей обречёшь свою задушевную подругу и мышку за обоями...

Но к вечеру следующего дня в сельсовет пришла телеграмма, из которой следовало, что Лору мама срочно вызывает в город. Что случилось? Почему она не сообщает, что случилось? А может быть, Лоре просто не сказали в сельсовете, а сами всё знают? С Юлькой толком не удалось поговорить о её ночной прогулке, да та и не стала грузить подругу, зная о телеграмме. Дозвониться домой не получилось, надо было торопиться на поезд, чтобы успеть в город до закрытия метро. Тревога и страх в виде зонтика, по обыкновению рас-

крывающегося вверху живота, ехали вместе с Лорой, завладев всем её существом. Она перебирала в уме все возможные несчастья, из-за которых её могли вызвать домой, и каждое из них представлялось ужасным. Под стук колёс и шелест эскалатора Лора пыталась вспомнить молитвы, которым когда-то их с Женькой учила бабушка, и это немного помогало ей справиться с душевной мукой. Припоминая слова «Богородицы» и «Отче наш», Лора как будто слышала бабушкин голос, её интонации, от которых всегда становилось спокойно и отрадно на душе. Чаще всего бабушка читала молитвы на ночь, старославянские слова монотонно и тепло проливались в душу и казались такими понятными в своей непонятности.

Когда, наконец, Лора вошла во двор, то увидела, что в их квартире светятся все окна. Перебежав двор и взлетев по лестнице, она не стала доставать ключи, а нажала кнопку звонка. Дверь открыл Женя, и первое, что увидела Лора, войдя в прихожую, – за распахнутой в кухню дверью, на кресле, на чёрном кожаном кресле, где же ещё? – большой траурный венок. Глаза и сознание отметили, что её вышли встретить все, кроме бабушки. Заплаканная мама что-то говорит, папа курит у форточки, Женя пытается снять с Лоры плащ, а Лора не может отвести глаз от кресла, от чёрного кресла... Вот и отправилась бабушка куда-то туда, к своему дедушке Жоржу...

После похорон Лора вернулась в совхоз, «на картошку», вернее на яблоки. До окончания совхозных работ оставалось четыре дня. Погода продолжала стоять тихая, тёплая и солнечная. Баба Лена приносила из леса грибы лисички и по вечерам жарила их с картошкой и луком.

Лора приехала под вечер и, войдя в дом, застала идиллическую картину – за столом, на котором дымилась сковорода с грибной жарёнкой, сидели Юля и Борька, а баба Лена расставляла тарелки. На столе также стояла миска с печёными яблоками и большая кружка, в которой торчком стояли алюминиевые вилки и ложки. Юлька и баба Лена запричитали, Лору усадили за стол. Баба Лена порылась в шкафчике и извлекла оттуда припрятанную для случая бутылку «Рябины на коньяке».

– Ну, давай помянем твою бабушку, – баба Лена разлила наливку по гранёным стопкам, – как её звали?

– Вера, – Лора проглотила ком в горле, сдерживая привычные в последние дни слёзы.

– Упокой, Господи, душу новопреставленной рабы твоей Веры. Остави ей вольные и невольные прегрешения. Сотвори ей Царствие Небесное и вечную память, – в голосе бабы Лены, читающей молитву, Лоре слышались бабушкины интонации. Притихшие Юля и Боря смотрели на неё участливо, с готовностью поддержать и помочь. Горько-сладкую наливку Лора выпила, смешивая её со слезами, которые больше не сдерживала, и от этого становилось легче и при-

ходило сознание того, что кто-то Всесильный и Всемогущий лучше нас знает, как надо всё устроить в этой жизни...

– Да ты, девка, поплачь, не сжимайся, – баба Лена налиwała по второй. Борька вспомнил и процитировал, разумеется, божественным пением, фразу из «Иоланты»:

– Ужели ты не знаешь, что от слёз

Печаль проходит легче и быстрее? – за что получил тычок локтем в бок от Юли. Баба Лена разложила по тарелкам грибы с картошкой. Борька выудил из кружки алюминиевую вилку, а Юля и Лора, переглянувшись, взяли ложки...

Чтобы сменить тему и как-то отвлечь Лору, ей рассказали, что в её отсутствие между руководством совхоза и студентами разгорелся скандал. Суть его заключалась в том, что яблоки с деревьев положено было снимать руками или специальным приспособлением-снималкой. Затем, пересыпая стружкой, их надо рядами укладывать в ящики. Однако, нашлись рационализаторы, которые трясли яблоню, а потом собирали осыпавшиеся, побитые яблоки и без всякой стружки наваливали их в ящики. Получалось быстро, но такие яблоки долго не хранились. Обнаружив халтуру, председатель снизил оплату, и кормить студентов стали гораздо хуже. Сердобольная баба Лена стала подкармливать постояльцев, благо в лесу в тот год было полно грибов, а картошка, лук и укроп выросли на своём огороде.

Поужинав, вышли во двор. Белые ночи кончились, только небо на западе мерцало зеленоватым, яблочным цветом.

В сарайчике возился и похрюкивал поджарый поросёнок Дедок, время от времени со старой яблони падали перезрелые яблоки, мягко шлёпаясь и ломая хрупкие флоксы у забора. Юля и Боря закурили. Похоже было, что за время Лориного отсутствия их отношения поднялись на новый виток, когда кажется, что весь остальной мир существует только постольку, поскольку ему позволено прикасаться к этому витку. Во всяком случае, что касается Юли, с её лица не сходило какое-то новое выражение удивления и отчаянной решимости. Как будто она вот-вот прыгнет с парашютом. Борька снисходительно, как должное, принимал это её состояние и, даже, кажется, разделял его.

– Ну, что, девчонки, пора и честь знать. «Картошка» кончается, надо пилить домой. Ёлы-палы – четвёртый курс. Надо приналечь, рвануть, поднапрячься. Я лично буду в консу поступать. И, может, не в Питер, а в Москву, – Борька покосился на Юлю, проверяя, какое впечатление произвели его слова и планы.

– Я тоже, – только и смогла пролепетать она.

А Лора молчала, но все понимали, что если кому и надо поступать в консерваторию, так это, прежде всего, ей. И для неё это было само собой разумеющимся ещё с того времени, как бабушка Вера впервые рассказала о мечте дедушки Жоржа доказать «всяким бездарностям»...

В город приехали через три дня, а он уже был весь промокший и продрогший под внезапно навалившимися на него ветром, дождём и угрозой наводнения. Настоящая осень началась в одночасье. А в училище начались занятия, и покатил последний, четвёртый курс полный трудов, забот, волнений, тревог и... романтических историй. Собственно говоря, у Юли и Боба всё продолжалось. Они то расставались «навсегда», то вновь соединялись «на век». Лора должна была и мирить, и судить, и помогать разрешать их непрекращающиеся выяснения отношений. При этом самой Лоре надо было как-то, по возможности деликатно, отбиваться от ухаживаний Севы Гимпельсона, а также Борькиного приятеля-фарцовщика Максима, который вдруг взялся ей названивать по вечерам, произнося одну и ту же фразу:

– Хай, Ло! Это Макс.

А Лоре слышалось: хайло – это Макс. И, хотя у него было обычное, вполне стандартное лицо, а вовсе не хайло, Лора не могла отделаться от своих ассоциаций, которые напрочь отметали возможность сколь-нибудь романтических отношений с Максом. Тем более, что такого рода отношения случились неожиданным образом совсем с другим персонажем...

В конце сентября Юля пригласила Лору и Боба на день

рождения своей двоюродной сестры Люси. Сделала она это по поручению тётушки, матери Люси, купившей в своё время платиновое кольцо бабушки Жоржа. На восемнадцатилетие дочери ей хотелось собрать «приличное окружение». Люся не прошла по конкурсу в медицинский, временно работала в регистратуре районной поликлиники, зарабатывала стаж и готовилась поступать на следующий год.

Лора слегка опаздывала к назначенному времени, ехала прямо из училища после занятий. От метро «Пушкинская» до улицы Вере́йской, где жила с родителями именинница, Лора шла под проливным дождём, безуспешно пытаясь раскрыть заупрямившийся зонтик. Руки были заняты футляром со скрипкой и завёрнутыми в бумагу белыми астрами. Она изрядно промокла и, когда, наконец, оказалась в прихожей, довольно долго приводила в порядок мокрые волосы, надевала туфли, никак не могла отыскать в сумке пудреницу. А из глубины квартиры уже всюю неслись звуки веселья – смех, оживлённый разговор. Мимо то и дело пробежала Юли-на мама из кухни и обратно с угощениями на красивых тарелках и блюдах. А надо всем этим чей-то незнакомый голос на очень неплохом английском под гитару пел любимую Лорину песню из битловского репертуара – «Michel». Причёсываясь у зеркала в прихожей, Лора пыталась представить себе обладателя этого голоса. Чем больше нравилось ей пение незнакомца, тем больше стараний прикладывала она к приведению себя в порядок. Но влажные волосы укладываться

не хотели, пудреница нашлась, но при открывании выскользнула из рук и, падая, проехала по юбке. Чёрный шёлк оттираться от пудры не желал.

– Ну, где ты там, Ло? – Юля высунулась в прихожую, – чего ты возишься? Ты одна опоздала. Слышь, как люди спевают? Чистый Леннон. Между прочим, адъюнкт на кафедре общей хирургии Медакадемии. Под началом Люськиного папашки... Двадцать пять лет... Называется Игорь Астахов. В консерваториях не обучался, а на гитаре вон как виртуозит. Это тётушка Люське женихов поставляет.

«Michel» к этому времени уже отзвучала, и, когда Юля с Лорой вошли в комнату, Игорь пел одну из последних песен модного тогда в Ленинграде барда – Жени Клячкина. Общество притихло, слушая. Именинница сидела на подоконнике и рассматривала на своём пальце кольцо бабушки Жоржа. Очевидно, ей его подарили на день рождения. Она склонила голову, завитые, красиво уложенные волосы падали со лба, слегка прикрывали её лицо. Время от времени она отрывала взгляд от кольца, чтобы незаметно, сквозь завесу тёмно-русых локонов взглянуть на поющего. Лора осталась стоять у двери...

– Как хорошо он поёт, надо же... И я, наконец, внимательно послушаю Клячкина, а то на магнитофоне, на вечеринках, не всегда разберёшь текст, – примерно так думала Лора и жалела, что вовремя не отдала в починку зонтик, поэтому попала под дождь, отчего выглядит сейчас мокрой курицей.

«Что ж, разве это не прекрасно,
Что верить до конца опасно...
Неужели ты чего-нибудь другого хочешь?...», —

пел Игорь и на этих словах поднял глаза на Лору, поднял случайно, просто потому, что она стояла напротив, да так и остался всю эту долгую, бесконечную фразу своими глазами на её лице, остался и приказал и ей не отвести глаза...

Потом было застолье, танцы под магнитофон. Игорь ещё пел и играл на гитаре, даже Боб под Юлин аккомпанемент спел арию Германа из «Пиковой дамы». И всё время встречала Лора медленный взгляд. А, может, он на всех так смотрит? Если за этим последить, то получится, что это она с него не сводит глаз. Нехорошо... Пусть смотрит, как хочет и на кого хочет. И всё же, вот опять — долго, не мигая, скользя по лицу глазами и едва заметно улыбаясь...

После вечеринки до метро шли все вместе — Боб с Юлей, трое бывших одноклассников Люси, Игорь и Лора. Шли к «Техноложке» мимо улиц, выходявших на Загородный проспект.

— Кто быстро перечислит названия улиц от Витебского вокзала до Технологического, получит приз от меня, — развлекал компанию Игорь.

Все вразнобой стали перечислять, вспоминая, но путали последовательность.

Точно никто не ответил.

– Слушайте и запоминайте – *разве можно верить пустым словам балерины...* В этой фразе слова начинаются с тех букв, с которых – названия улиц и, конечно, в такой же последовательности – Рузовская, Можайская, Верейская, Подольская, Серпуховская, Бронницкая. Выходит, приз положен мне одному, я один патриот и знаток города. Только кто его мне вручит? – Игорь опять посмотрел на Лору, как будто говорил только для неё.

А Лора вспомнила бабушку с её рассказом про неверную возлюбленную дедушки Жоржа, артистку театрального кордебалета. А ведь и правда – разве можно верить пустым словам балерины или чьим-то другим? Наверное, нельзя. Но почему-то хочется верить. Бог с ним, пусть слова и вправду окажутся пустыми, но ведь это потом, потом, может быть, очень нескоро или вообще никогда. Прав Женя Клячкин – *Что ж, разве это не прекрасно, что верить до конца опасно...*

Игорь проводил Лору до дому. Он нёс её скрипку и даже сумел раскрыть зонтик, так что они шли, тесно взявшись под руки под одним зонтом. Прощаясь в подъезде, он сказал:

– А как же приз, который я заслужил как знаток города? Вы должны быть ко мне справедливы...

– Разве я обещала приз? – вступила в игру Лора.

– Ну, конечно..., – Игорь уже понимал, что ему не будет отказано в том, что он называл призом, что Лора ответит

ему на поцелуй, неспешный и уверенный, как и его взгляды. И с этого поцелуя начнётся первый взрослый Лорочкин роман...

6

– Ну, ты даёшь! – трагическим шёпотом шипела Юля, – что теперь будет? Ведь все знают, что дядя Лёша пригрел Игоря на своей кафедре с прицелом сосватать его с доченькой. Да и Игорёк ведь, вроде, ей куры строил... Смотри-ка, а ты-то у нас не промах! Ну и правильно, пусть Люська ворон не считает – «Покинутая Дидона»... А как он-то выкручиваться будет? Как бы у него карьера не гикнулась...

Лора воспринимала Юлины умозаключения, как, впрочем, и весь остальной мир сквозь радужное мерцание неизвестных доселе чувств и ощущений. Всё, кроме её новых отношений, стало второстепенным, необязательным – может быть, а может и не быть. Нет, пусть себе всё будет, как было, если ему надо. Но в центре всего только это – телефонные звонки с прикрытой ладонью трубкой, пропущенные лекции и уроки, короткие свидания в кафешках, свидания подлинней у него дома, разумеется, в отсутствие родителей, кино, объятия и поцелуи в подъезде и бухающее, как набат сердце – в голове, ногах, руках, как будто оно вытеснило собою почти все другие органы...

– Концерт Сибелиуса, который Лора готовила к выпускному экзамену и с которым собиралась поступать в консерваторию, зазвучал как-то по-другому. То, чего не скажешь,

для чего просто не придумано слов, легко выговаривалось смычком на языке понятном удивлённому и влюблённому сердцу. И сейчас, и впереди – только счастье, а то, что было до этого, лишь для того и было, чтоб дожидаться этого счастья. Да, собственно, и не было ничего...

Сева Гимпельсон всё понял и впал в ужасный мрак. Лора не ожидала от него такой реакции, ведь она же никогда не давала ему никаких авансов, разве что, дружеское расположение. Во время вечерних репетиций камерного ансамбля, когда Лора, Юля и Сева на сцене училищного зала репетировали своё трио, а Игорь частенько сидел в полутёмном зале, поджидая Лору, бедный Севка в своих толстенных очках терял дар соображения, зрения, слуха и всех остальных чувств, кроме ревности и обиды. Он превращался в онемевшее, пребывающее в столбняке существо, отвергнутое счастливым и влюблённым миром.

– Ну, ты хоть раз вступишь в десятой цифре, Севка? – кричала Юля во время очередной репетиции. Ей хотелось поскорей закончить занятия и дунуть с Бобом в Сайгон.

– Ну, давайте ещё раз после репризы, – извиняющимся тоном бубнил Сева, протирая очки.

– Нет уж, хватит! Завтра урока всё равно не будет – Бекар в кои веки заболел, – Юлька захлопнула ноты на пульте рояля и добавила менторским тоном, – ты сам дома поучи, что ты нас мурыжишь?

Бекар в училище называли педагога по камерному ан-

самблю за то, что он всем всегда отказывал в просьбе отпустить с занятий или переменить время урока, какой бы веской ни была причина у просящего.

К мучениям Севы добавилось ещё и унижение от Юлькиных слов. Лора попыталась смягчить ситуацию, —

– Да, ладно тебе, Юлька! Что ты напала? У нас у всех ещё сыро. Да и времени ещё полно – выучим, – Лора говорила бодрым голосом, чтобы Севке было не так грустно. А он стоял у края сцены спиной к затемнённому залу и протирали от налипшей канифоли свою виолончель, чтобы уложить её в лежащий на полу футляр. Лора видела, как по проходу между креслами, к сцене идёт заждавшийся её Игорь, и торопилась собрать свои ноты и скрипку. И в это время раздался грохот и треск, к которому примешались жалобный звук рвущихся струн и стон несчастного Севы. Протирая деку виолончели, он сделал шаг назад и вместе со своим инструментом рухнул со сцены в зал, завалившись набок, в сторону левой ноги, которой шагнул. Когда причитающие и напуганные девочки подбежали к лежащему посреди обломков своей виолончели Севе, Игорь уже осматривал пострадавшего. Тот пытался хорохориться, но левая рука была неестественно вывернута, лицо искажено страданием, хоть он и пытался придать ему нейтральное выражение. На ногу, как тут же выяснилось, Сева наступал с трудом. Игорь предложил вызвать скорую помощь, но после препирательств, чтобы не пугать Севину маму медтранспортом, всей компанией, включая по-

доспевшего Боба, препроводили Савелия домой. На правах доктора, Игорь из шарфа соорудил фиксирующую руку повязку и рассказал, как действовать больному со своей травмой дальше. Громыхающие обломки виолончели сложили в футляр и вместе с виолончелистом вручили перепуганной маме.

Игорь знал, что вольно или невольно служит причиной, по которой терзается ревностью сердце Савелия. Большого значения он этому не придавал и вообще меньше всего об этом думал. Если бы он не стал случайным свидетелем Севиного падения со сцены, он бы и совсем не интересовался его существованием.

– Лосик, как там ваш летающий виолончелист? – спросил он Лору недели через две после того случая.

– Плохо... Рука в гипсе, хромает. Да ещё виолончель так расколотил, что не известно, зазвучит ли она после ремонта. Наверное, в академку пойдёт.

– А с кем вы теперь ансамбль играете?

– Бекар сказал, чтобы взяли с Юлькой сонату Тартини. Это без виолончели, вдвоём будем... А знаешь, соната название имеет – «Покинутая Дидона»... Грустная такая музыка...

– Ну, вообще-то, всё могло быть гораздо хуже. Пусть благодарит Бога, что позвоночник цел. Руку сломал, а на ноге, наверное, связки растянул. Я тут про него песенку сочинил...

И Игорь запел на известный мотив, —

Со сцены, тих и невесом,
Слетает Гимпельсон,
Старинный вальс – «Осенний сон»
Играет Гимпельсон...

Лора улыбнулась и, даже, хихикнула, но сделала это она больше из вежливости, чтобы не обидеть рассказчика, как делают многие, услышав не очень-то смешной анекдот. На самом деле, ей было жалко Севку. Он и вправду стал каким-то «тихим и невесомым». Прихрамывающей тенью бродил он по училищу. Он, вообще-то, был профоргом и собирал взносы, раздавая марки, которые надо было наклеивать на странички профсоюзного билета. Иногда он посещал какие-то лекции и теоретические предметы, понимая, что, скорей всего, потеряет целый год. Разбитую виолончель он отдал в ремонт, который ещё неизвестно чем закончится. А разбитое Севкино сердце в ремонт никто не брал.

А, тем временем, родители Игоря собрались уезжать в длительную командировку, в далёкий Алжир. Они оба были врачами. Отец – военным хирургом, мама – анестезиологом. Им предстояла работа в госпитале. Уезжали они, как минимум, на год, но может получиться, что и больше. Единственный сын оставался один. Об этой поездке речь шла уже давно, но всё что-то откладывалось и менялось, в конце декабря, наконец, решилось, что улетать надо десятого января.

Несмотря на то, что в жизни Игоря Лора пребывала уже почти три месяца, он, почему-то, не очень стремился познакомиться её с родителями. Однажды они, уже уходя из квартиры на Литейном, где жила семья Игоря, и где он время от времени давал уроки «страсти нежной» своей ученице, столкнулись у лифта с мамой Игоря. Она в тот раз почему-то раньше обычного возвращалась с работы.

– О, привет, ма! Ты что так рано? А мы тут заскочили на минутку... Позвонить... С Люсиной приятельницей... Я скоро вернусь..., —

Игорь промямлил всё какой-то виноватой скороговоркой. Повисла пауза.

Здравствуйте..., — прошептала Лора, а в висках у неё стучало, —

Почему Люсина приятельница? Какая такая приятельни-

ца?

В лифте она ждала, что он первый что-то скажет и каким-то чудесным образом развеется неловкость. А он молчал и ждал, последует ли реакция. Если да, то какая именно. Что же раньше времени оправдываться?

– Ты что, от неожиданности забыл моё имя? Меня зовут не «Люсина приятельница»..., – всё-таки первой заговорила она.

– Ло-о-сик, ну зачем грузить родителей нашими отношениями? Пусть они себе едут спокойно в Алжир. Мать и так взвинчена до последней степени этими сборами, документами, интригами... А про Люську я вспомнил потому, что рассказывал родителям про её день рождения, про то, с кем там познакомился... Они же с её родителями старинные друзья и однокашники. Ты думаешь, почему я оказался на кафедре Алексея Ильича? Ну, чего ты куксишься? Ты же прекрасно знаешь, кто у меня любимый Лосик...

И на задней площадке замороженного насквозь полупустого, гроыхающего трамвайного вагона, в лавине пропитанных чувством вины поцелуев и нежных слов, растаяли Лорины обиды, потому, что очень хотели растаять.

Провожая Лору домой, Игорь частенько заходил к ней и, к удовольствию Лориной мамы, участвовал в семейном вечере чаепитии. Женька второй год служил в армии под Мурманском. Мама, усаживая Игоря за стол, говорила, —

– Ну, вот, мы опять вчетвером, как при Женечке. Ему там

абрикосового варенья не дают... И она пододвигала к Игорю серебряную кружечку с вареньем, сваренным по бабушкиному рецепту вместе с орехами из абрикосовых косточек. Это была та самая серебряная кружечка, из которой она когда-то кормила гоголем-моголем раненного химическим карандашом Женю. Было понятно – раз мама достала эту кружечку, значит, гостю она оказывает особое уважение и придаёт ему большое значение. Игорь уже знал множество семейных историй и про бабушку, и про дедушку Жоржа, и про Лорины мистические отношения с Креслом.

– Вот это кресло – твой мучитель? – спросил он как-то, усаживаясь в чёрное кресло на кухне.

– Ну, не только...

– Придётся, тебя, Лосик, показать хорошему психиатру. Креслофобия... Что-то новенькое. Но, вообще-то, ты не безнадёжная больная... Я знаю, по крайней мере, одно кресло, которое ты вовсе не боишься. Во всяком случае, кажется, перестала бояться...

– Не знаю, перестала ли... – Лора, конечно, поняла, о каком кресле идёт речь.

Когда, в первый раз придя к Игорю домой, она под колокольный гул своего сердца, истаивала в этом кресле под обрушившимися на неё поцелуями, она не сразу поняла, что это кресло. Оно стояло в комнате Игоря, на нём спокойно усаживались два человека, как на маленький диванчик. А диванчик – это всё-таки не кресло... Но, когда Игорь,

щёлкнув пружинами, раздвинул его вперёд, и получилась настоящая кровать, Лора краешком полуобморочного сознания отметила, что в её жизни появилось очередное Кресло. Оттого, что оно называлось креслом-кроватью, мало, что менялось. Всё равно это было Кресло. Коварство этого мягкого, обтянутого золотистым бархатом экземпляра заключалось в том, что оно прикинулось Раем. Каждый раз и щелчок его пружин, и звук, поворачиваемого в скважине ключа, на «всякий случай» запирающего дверь в комнату Игоря, и хруст всегда чистой простыни, которую Игорь приносил из клиники, чтобы не обременять маму лишней стиркой, звучали райской музыкой волшебной увертюры. После увертюры райская музыка продолжалась по всем законам музыкального спектакля о любви. И сценаристом, и постановщиком, и дирижёром этого спектакля в одном лице был, конечно, Игорь. Был он также и художником по костюмам. А какие костюмы нужны для Рая? Ну, конечно, те самые, что были и у наших прародителей – Адама и Евы...

– Не знаю, перестала ли я бояться твоего золотого кресла... Я не то, что боюсь, а... не подобрать слово... Странно, а ведь и точно я не могу придумать слово вместо «боюсь»... Что-то похожее, а что?... – Лора протянула Игорю Женькину гитару, – спой-ка лучше мне Клячкина...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.